

Сергей Шикера

Главы из романа «Выбор природы»

XXII

Ночной выход

Сараев проснулся и пощелкал выключателем лампы в изголовье – света не было. Темно было и на улице. Он лежал на диване, одетый. Плотный частый стук сердца в тесной груди не предвещал ничего доброго. Вытянув из кармана зажигалку с фонариком, стал искать телефон, чтобы узнать, который час. Синий луч запрыгал по комнате и как только упал на балконное окно, в стекло что-то крепко стукнуло. Подскочив, Сараев погасил фонарик. Лоб покрыла испарина. Что это могло быть? Камень? разбуженный голубь? летучая мышь?.. Спустя минуту он уже сомневался, что слышал удар. Возможно, то был какой-то безотчетный мгновенный испуг, обернувшийся слуховой галлюцинацией. Он сидел, не шелохнувшись, и через какое-то время его внимание привлекли иные звуки, с веранды. И вот это уже не было никакой галлюцинацией или панической фантазией, вроде той, что овладела им в гостях у Убийволоков, когда он решил, что пришли по его душу. То были звуки сразу нескольких перемещений – негромкие, но самые явные. Кажется, там, на веранде, перебежали от стены к стене; вот будто кто-то стремительно протерся по двери, что-то с глухим деревянным стуком упало на пол... Господи! да ведь это за ним! Вот только кому и зачем он мог... «Вадим! Вадим! Вадим!» Это по его линии, как пить дать. Что-то, видимо, он успел где-то там натворить. В Киеве? Да какая разница! Сейчас неважно, где и что. Сейчас просто вышибут дверь, и всё! И где он тогда опохмелится?! И как совпало с отсутствием света. Совпало? Ну-ну. Да тут целая операция, захват! Может, кто-то там прячется на балконе?..

С протяжным душераздирающим фанерным скрипом и треском в коридоре вдруг открылась соседская дверь. Метушня в коридоре сразу же закипела с удвоенной силой, и вскочивший на ноги ошавевший Сараев услышал крик Наташи: «Это что здесь такое? Вот я сейчас...». Крик оборвался. «Заломали Наташу». Сараев схватил свитер. Толчок в дверь. Началось. «А ну вон все пошли! Пошли вон! Я кому сказала! Устроили здесь!» – опять закричала Наташа. Хлопки, отрывистое шипенье, удары по полу, торопливый мягкий топот по лестнице вниз. «Устроили здесь...» – повторила Наташа, когда все, наконец, затихло. В наступившей тишине дверь Дерюгиных с обратными треском и скрипом закрылась. Это было необъяснимо.

Со стучающим прямо в центр грудной клетки сердцем Сараев подошел к балкону. Пусто. Внизу из подворотни на улицу тянулась собачья свадьба в десяток собак разной величины.

Наконец он добрался до часов: двадцать пять минут второго. Что?! Двад-цать-пять-вто-ро-го-но-чи?! Он бросился осматривать карманы. Как и следовало ожидать, денег не было. «Виктория» открывалась только в семь. У него подкосились ноги, и он опустился на диван. Вот так попал. Половина второго. Проклятье! Сколько раз он уговаривал себя с этим не шутить, держать где-нибудь постоянную заначку, неприкосновенный запас; сколько раз его бросало в дрожь, едва он только представлял, как оказывается вот так посреди безбрежной глухой ночи один, без копейки, а впереди – целые часы, сотни долгих минут, неисчерпаемые тысячи секунд, которые все до единой придется отсчитать, процедить сквозь себя!.. И вот он оказался в самом начале этого бесконечного ужаса. «А если они вернуться?» Он тут же себя одернул: кто вернется? Собаки? Нет, собаки не вернутся. Собаки это так, первое приветствие, глумливое подмигивание того страшного мира, в который он только-только вступает. Все будет гораздо серьезней. Какие уж тут собаки. Чертова беспечность! Ну что стоило ему хотя бы кивать при входе этим продавщицам в ближайшем круглосуточном магазине, всем этим придурковатым охранникам – за полтора-то года уж можно было бы с ними познакомиться? Сейчас вошел бы, сказал: друзья, вы ведь меня знаете, я тут рядом живу, ваш сосед, постоянный покупатель, не дайте помереть, братцы! Он мог бы опуститься на колени, что тут

такого? в конце-то концов, он видел, как это делали другие, а чем он лучше? пришел, видимо, и его черед...

Что-то надо было делать. От пережитого только что страха кружилась голова и тошнило. Чего бы только он сейчас не отдал за стакан водки, за пару пузырьков боярышника или пустырника...

Телефон работал. Сараев с замиранием сердца приготовился ждать, подбирая самые подобострастные извинения, но Демид бодро отозвался после первого же гудка: «Слушаю!» – «Здравствуйте. Я вас не разбудил?..» – «Нет. Я на закате отлично выспался. Самый питательный сон. Мне, кстати, ваша Наташа снилась. Со всеми вытекающими последствиями. А как вы? Что-то случилось?» – «Да, случилось. Я тут только что проснулся и... В общем, ни денег, ни капли спиртного... просто не знаю что делать...» – «И вам хреново». – «Очень». – «Нервы на пределе и тьма вокруг сгущается, да?» – «Именно так. Буквально». – «То есть если бы я вот сейчас зарычал или завизжал в трубку, вы бы отбросили в ужасе телефон и забились бы в угол? До такой степени?» Сараев молчал. «Алё! Вы слышите меня?» – «Да», – еле слышно ответил Сараев. «Тогда почему не отвечаете?» – «Да», – так же тихо повторил Сараев. «Вы где находитесь?» – «Дома». – «Приходите ко мне, слышите?» – «Да».

Демид сообщил адрес в Сабанском переулке и предложил приехать на такси. Сараев сдуру наотрез отказался, и пока одевался и искал ключи, проклинал себя на чем свет стоит.

Слабенькому туману над влажными мостовыми Сараев предпочел бы хоть какую-нибудь непогоду – слишком уж заметным почувствовал он себя на тихих улицах. Совсем рядом, на пересечении Колонтаевской и Старопортофранковской, и дальше, в сторону центра, свет был. Здесь, вблизи от дома, куда не поздно было еще вернуться, он немного постоял, готовясь к долгому опасному переходу. Настроился, собрался с силами. Из старой акации на углу легкий порыв ветра бесшумно выбросил целый ворох зарябившей в воздухе мелкой желтой листвы, и Сараев шагнул на брусчатку. Главное, не привлекать внимания, идти быстро, уверенно. Вокруг, куда ни глянь, не было ни души. Загодя оповещая о своем появлении отчаянным визгом на поворотах, с какой-то устойчивой периодичностью, как по расписанию, пронеслись одинокие авто. От панических атак Сараев отбивался первыми пришедшими

на ум пяти- или шестизначными числами, сосредоточенно и внятно вышептывая их одно за другим. Поднимая глаза, он видел, как в небе над далекой Аркадией бродят лучи прожекторов из увеселительных заведений, вызывая в памяти одновременно хронику военных лет и помпезную заставку студии «XX век Фокс». Едва заметный в начале пути туман понемногу густел, и время от времени в сырую осеннюю тишину вплетались негромкие, слышные только по ночам шумы – это тянувший год за годом влагу ракушечник, из которого когда-то строился город, нехотя, как рафинад в чае, осыпался и рушился под собственной тяжестью. Редкие, даже возле Привоза, прохожие как будто избегали встречи с ним, и за несколько десятков шагов вдруг сворачивали в переулки (не для того ли, чтобы подкрасться сзади?). Над ярко освещенным подземным переходом на привокзальной площади их стояло аж четверо, каждый со своим уходящим вверх столбом тени, но и они, стоило Сараеву подойти ближе, разошлись в разные стороны. Впрочем, он и сам метнулся бы за ближайший угол, если бы кому-то из них вздумалось направиться к нему. Вокруг, без сомнения, что-то готовилось, зрел какой-то зловещий умысел, плелась какая-то губительная интрига. Сердце то частило, то замирало, и несколько раз ему казалось, что вот сейчас оно остановится, и он говорил себе: ну и ладно, упаду, умру, хуже смерти все равно ничего не случится. Но уговоры не помогали, что-то вот-вот должно было произойти. Нечто, что было куда страшнее смерти, пряталось в темной, неотступно сопровождавшей его материи, дышавшей где-то совсем рядом, и готово было в любую секунду – стоило только зазеваться – выскочить из ее ненасытных глубин.

И вот, когда трудное путешествие осталось наконец позади, когда уже рукой было подать до вожделенной цели – под ногами у Сараева качнулся асфальт, и он встал как вкопанный. Цель исчезла. Мало того: ее тут и не было никогда! Перед ним был Мукачевский переулок. Тот самый, куда его однажды для встречи с мнимым близнецом Алексеем привез себе на потеху Демид. Сараев стоял в самом начале переулка, где еще сохранилось несколько старых трехэтажных зданий. По правую руку за воротами тянулся ряд сводчатых уходящих вглубь подворотен. В первую минуту он был настолько ошарашен, что даже вернулся к глу дому,

чтобы прочесть табличку с адресом. Пер. Мукачевский, 5. Вот так: пока его воспаленный слух метался между едва слышными звуками и шорохами, а ставший почти зрячим затылок ловил малейшие движения за спиной, ноги сами несли его сюда. Вот так. Вот так, вот так, вот так!!! До Сабанского переулка, где ждал Демид, отсюда было не столь уж далеко, но Сараеву таким трудом дались эти последние, как он думал, метры, так горячо он молился о том, чтобы беспрепятственно их одолеть, дотянуть, доползти, что тут едва не взвыл от отчаяния. Тем не менее надо было идти. Торчать здесь было опасно. Оказавшись в какой-то сотне шагов от дома Алексея, он даже не углядел в промашке зловещего намека. Обычная патрульная машина с парой скучающих ментов и поездка в участок, где над ним, сходящим с ума от абстиненции, будут измываться до самого утра – вот что пугало его по-настоящему, когда он выходил из переулка. Какой там покойник Алексей. О нем он и не думал. Сараев повернул в сторону Александровского парка. Ну, с Богом! 18456, 27952, 165812, 321197, 2757757... Входить в парк, чтобы срезать угол, он не рискнул и вышел к Сабанскому переулку через Успенскую по Маразлиевской.

XXIII

Отчаяние

– Тут недавно слышал одну историю. Люблю такие истории, – начал Демид к ужасу Сараева. – Если хотите, расскажу. Иногородний, может быть, и не поймет, а для нас самое то. Это в конце 80-х было. Жила-была одна семья в России, где-то под Псковом, кажется. А может, и нет. Точно не помню. В общем: типа поселок городского типа. Такая себе семья советских служащих, мама – бухгалтер, папа мелкий начальник, и у них дочка лет двадцати. Вдруг дочка заболевает. Какая-то душевная хворь. Сначала вроде бы ничего, даже и не очень заметно, а потом все хуже и хуже...

Сараев был готов. Его заливало потом и колотило от озноба; горела голова. Он заподозрил недоброе, как только вошел, и Демид поприветствовал его шуточной фразой: «Тоже люблю иногда прогуляться по ночной Одессе». Такой легкомысленной встречи Сараев

не ожидал. Он надеялся сразу, с порога, получить стакан водки, но вместо этого Демид провел его в необжитую холодную гостиную и стал мучить расспросами, а теперь вот еще взялся рассказывать какую-то историю. Силы, терпение, надежды – ничего из этого уже не было и в помине, и Сараеву самому не понятно было, на чем он еще держится. Хозяин же делал вид, что ничего этого не замечает, и не торопился помочь.

– ...Недуг, вообще-то, среди русских девушек во все времена довольно распространенный, – продолжал Демид. – Теряется всякий интерес к окружающей жизни и наступает абсолютнейшая апатия. Я таких навидался, когда в юности по монастырям ездил. В общем, царевна несмеяна в самом чистом виде. И вот, чтобы не дать болезни разгуляться, мать отправляет ее развеяться к отдаленной родственнице в Одессу. Ну, Одесса Таню, естественно, расшевелила. И даже поразила. Сами понимаете, что это такое для девочки из северной глубинки. Огромный шумный город, море, жаркие дни, теплые вечера; веселые молодые люди одесской национальности опять же с интересными предложениями. Ну и пошла Таня на поправку. Загорела, приосанилась, повеселела. Заканчивается вторая неделя, и тут выходит из строя домашний телефон (а других тогда не было), и тетка просит Таню посидеть днем дома, встретить мастера. В назначенное время тот приходит, и пока возится с телефонным аппаратом, Таня, теребя сложенные пополам три рубля, стоит в той же комнате у распахнутого окна во двор. Во дворе в это время пусто – как обычно в жару, – кто не на работе, тот на море. И вот сосед в доме напротив включает магнитофон с записью известного (но Тане тогда совсем не знакомого) юмориста и выходит курить на балкон. Юморист весело, с огоньком, время от времени срываясь в фальцет, рассказывает случай с подрывником и с какой-то баржей. Рассказ то и дело прерывается смехом и аплодисментами зрителей. Увидев нашу Таню в окне, сосед делится с ней впечатлением: «От Мишаня жару дает, да?» – имея в виду магнитофонного рассказчика. Таня не понимает, о чем он и, смущенно улыбаясь, пожимает плечами. «Мишка – красавец!» – выкрикивает сосед, показывая большим пальцем за плечо. Таня на всякий случай кивает и вздрагивает от крика над ухом: «Сделай громче!». Обернувшись,

она видит незаметно подошедшего сзади телефонного мастера. «Готово», – говорит ей мастер. Сосед уходит исполнять его просьбу, Таня протягивает мастеру три рубля, а тот, спрятав деньги в карман, крепко хватая Таню одной рукой за талию, второй зажимает ей рот и укладывает на ковер. Тем же вечером Таня собирает вещи и уезжает без всяких объяснений. Домой она возвращается загорелой, посвежевшей, но такой же несмеяной, как и уезжала. И даже более того. Ну а дальше как по писаному. Через какое-то время все замечают, что Таня беременна. На вопросы она не отвечает, да и вообще постоянно молчит. Родители, опасаясь еще больше навредить, отступают, решают повременить – может быть, сама скажет, когда захочет. Так и не открывшись никому, Таня рождает мальчика. Называет она его Мишей, а когда спрашивают, как его записать по отчеству, не долго думая, отвечает: «Михайлович», но никаких объяснений по-прежнему не дает. Родители и тому рады: хоть имя отца стало известно, а уж раз его именем еще и ребенка назвала, ну, значит, все это неспроста, и какая-то любовь между ними наверняка была. Глядишь, рано или поздно и сам заявится. Никто, конечно, не появляется, мальчик себе растет, ну и вот уже в школе окольными путями через школьных товарищей ему становится известна история его появления на свет. Он начинает приставать с расспросами к матери, и та ему рассказывает, что его отец – пропавший без вести в пучинах мирового океана моряк из Одессы. В общем: «Ты одессит, Мишка, а это значит...». И вот мальчик, узнав тайну своего рождения, со страстью увлекается Одессой. Выискивает все, что с ней связано, жадно читает все, что попадает под руку, собирает пластинки, книги, открытки, усиленно штудирует Бабея, создает на дому чуть ли не музей Одессы и, наконец, долгими упорными стараниями превращается в довольно странного персонажа. Вы только представьте себе паренька из-под Пскова, круглыми сутками изображающего Беню Крика. Ну а на первое апреля Мишка, по примеру нашего одесского племса, надевает накладные уши и нос, вымазывает губной помадой щеки и в таком богомерзком виде ходит по родному поселку к большому неудовольствию местного батюшки, поскольку первое апреля всегда выпадает на Великий пост. Вот как

вы думаете, что здесь сыграло главную роль: гены или воспитание? ну, в данном случае самовоспитание?..

Демид закончил и встал посреди комнаты, весело глядя на гостя.

Сараев загнанно смотрел на хозяина. Он почти ничего не понимал из того, что тот рассказывал, и уж тем более не мог ничего понять теперь. Какие гены, какое воспитание, когда он умирает на его глазах?.. Он только понял, что угодил в западню и теперь надо бы как-то из нее выбираться. Как же он мог так глупо попасться? И разве промах с переулком не был ему подсказкой? Почему же он ею пренебрег? На что надеялся? Это было так обидно, а главное – ужасно... Он проехал подошвой вниз по хромированной ноге высокого стула, на котором с большим трудом все это время сидел, и, держась за кожаное сиденье, поднялся. А почему Демид среди ночи в форме? Что это за форма? Может, он и не из таможни вовсе, а из какой-нибудь госбезопасности? Пришел только что со службы. Для них ведь ночная работа обычное дело. В конце концов, все, что Сараев о нем знает, он знает с его же слов. Даже Миша Сименс, у которого Демид был частым гостем, не мог сказать о нем ничего внятного. Хотя какое это сейчас имеет значение? И даже если бы это имело какое-то значение, для него теперь это не могло иметь никакого значения. Но обо всем этом Сараев думал как-то урывками, в те краткие мгновения, когда ему удавалось связать две-три мысли. В остальное время его несло каким-то мощным мутным потоком, и единственное, чего он от всей души желал, это ужаться до ничего не чувствующей точки. Казалось, достаточно одного, последнего, сколько-нибудь продолжительного усилия, чтобы сосредоточиться на этом желании – и оно наконец исполнится, но вдруг в самый последний момент с выпуклым треском карточной колоды, вспышкой размноженный Сараев распускаясь веером, рассыпался по комнате, и с полдюжины его двойников торопились наделать бед: один бросался в окно, другой, запрокинув орущий рот, рвал ломающимися ногтями обои, третий, разметаив по комнате стол и стулья, пытался сбросить с себя душившего его четвертого...

Демид вышел.

Сараев решил, что попытка закончилась и сейчас его наконец за нее вознаградят. Он крепко, со скрипом, вытер со лба холодный

пот. Но когда Демид появился опять и встал напротив, в руках у него не было ни бутылки, ни стакана.

– Кстати, о подрывнике, – сказал он и вытащил из кармана предмет, хорошо знакомый Сараеву по съемкам в Коврове, – гранату. – Вот. Настоящая, боевая. Когда с женой разошлись, купил, хотел подорвать ее вместе с любовником. Ходил, выслеживал. Оказалось, что никакого любовника нет. А потом подумал: а что если обратиться с просьбой к богам? Понимаете, о чем я? Совершить жертвоприношение. Гекатомбу. Рвануть кольцо и закинуть, например, в полный трамвай в час пик. Или в кафе. Вдруг действует, и мне ее вернут? Жену. Ох, и крепкая же такая мысль была – еле отделался! Потом как-нибудь расскажу подробнее...

Этого и следовало ожидать, думал Сараев. Как вообще он мог довериться этому человеку? Всегда же замечал в нем какой-то сдвиг – во всех его рассказах, ужимках, странных шуточках... И вот теперь, находясь на волосок от гибели, он еще и оказался во власти этого сумасшедшего, садиста. Что дальше? Демида, если что, ему нипочем не одолеть. Как, впрочем, не одолеть и обратного пути. Да и что такое этот обратный путь? Куда? И Сараев едва не заскулил от безысходности.

– Вам тяжело слушать? – спросил таможенник.

– Очень. Невыносимо, – в сухом сараевском горле еле ворочались слова, и трудно было их выговаривать сведенным от отчаяния ртом.

– Да, вид у вас ужасный, – подтвердил Демид, глядя на гостя с мрачным любопытством

– Вы бы могли дать мне немного денег... – попросил Сараев.

Демид долго молчал, наконец сказал:

– А если я вам сейчас скажу, что денег не дам и не выпущу отсюда, и выпить тоже не дам, и предложу вместо водки вот это? Воспользуетесь?

И он протянул гранату.

Сараев как будто и понимал, что за этим наверняка самым последним испытанием должно последовать вознаграждение (впрочем, Демид был достаточно непредсказуем, чтобы это оказалось не так), но он уже не в силах был производить какие-то самые простые расчеты и действовать, исходя из них. У него было ощущение, что все отпущенное ему время, его личное время, закончилось.

На выбор не оставалось и пары секунд, их просто неоткуда было взять. Времени было ровно столько, чтобы воспользоваться первым попавшимся, чем бы оно ни оказалось – гранатой, водкой, пулей, ядом – только бы быстрее и наверняка со всем этим покончить. Потому что жить за пределами этого личного времени не представлялось возможным, и даже нельзя было и помыслить. Но: может быть, всё – вообще всё! – к этому и шло? Он ведь желал когда-то конца – так вот он. Да, все это представлялось как-то по-другому, но... Сараев медленно накрыл гранату в руке Демида ладонью.

– Что у вас сейчас в голове? – вдруг спросил тот, хватая Сараева за запястье свободной рукой. – Первое попавшееся, быстро!..

Сараев вздрогнул – ему самому стало интересно! – и из крошечного, уже во всю прущего на него и сквозь него хаоса, выхватил первое же более или менее связанное, давнишнее, но сейчас почему-то оказавшееся на поверхности.

– Почему Абдулла и Насрулла звучит смешно, а Бред и Скотт нет? – скороговоркой отчитался он. И добавил: – Газовый ветер.

– Отлично, – сказал Демид.

«Это конец», – подумал Сараев. Но как только он обхватил корпус гранаты, таможенник твердыми острыми ногтями больно впился ему между сухожилиями под запястьем, отвел его ослабившую хватку ладонь и спрятал гранату в карман. Прочистив двойным глухим рыком горло, Демид сказал:

– У дочери сегодня был день рождения. Идемте, выпьем чего-нибудь за ее здоровье.

На кухне Демид вытянул из холодильника бутылку водки и, постояв некоторое время в раздумье, неторопливо наполнил стакан и рюмку. Потом, опять же после минуты раздумий, протянул стакан гостю. Обычно в таком состоянии Сараева отпускало при одном виде бутылки, но тут, даже запрокидывая голову и торопливо глотая водку, он ждал от хозяина какого-нибудь подвоха и по-собачьи косил глазами в его сторону: не выкинет ли тот что-нибудь в последнюю секунду.

– Жаль, что у вас нет за душой никакого оригинального философского учения, – сказал Демид, взяв свою рюмку, – а то бы я слушал вас дни напролет и записывал. Помните, как Лао-Цзы свое дао открыл начальнику пограничной заставы? Всегда меня этот факт

почему-то будоражил. Может быть, и мне, скромному одесскому таможеннику, когда-нибудь что-нибудь такое обломится... где-то, может быть, и мой Лао-Цзы бродит, никак не дойдет...

Только поставив стакан на стол, Сараев облегченно вздохнул.

Демид опять налил.

– Выпейте еще, поешьте и ложитесь, – сказал он. – Можете прямо здесь. Вам надо поспать. И советую отключить телефон. Отключите-отключите. (Сараев послушно исполнил.) Завтра будем с вами лечиться.

Уходя, он обернулся в дверях.

– Да, а что значит – «газовый ветер»?

– ?..

– Это вы сказали, когда я попросил первые попавшиеся слова.

– А-а, это. Да так... – Сараев, блаженно улыбаясь, тряхнул плечами. – Просто почему-то иногда представляю, как день и ночь по трубам в темноте шуруют эти газовые потоки... годами.

– И что?

– Ничего. Просто жутко как-то... разве нет?

Утром, когда Сараев проснулся, его ждало обильное застолье. За столом Демид объявил, что после обеда они лягут под капельницы.

– Это не значит, что мы бросим пить, но по пути не мешало бы освежить силы... – многозначительно добавил он.

И после обеда они действительно легли под капельницы. Сараевым в кабинете занимался молчаливый улыбчивый юноша, а Демидом – его пожилой наставник, которого Сараев увидел уже как сквозь туман, заговариваясь и засыпая.

XXIV

У Демида

Сараев согласился погостить у Демида несколько дней – в конце концов, сколько можно безвылазно сидеть дома?

Твердого распорядка дня у Демида не было. Образом жизни он походил более на представителя какой-нибудь свободной профессии, чем на государственного служащего. Впрочем, может быть, Сараев просто попал в такой период. По утрам приходили какие-то

люди, по большей части молодые, некоторые из них были в таких же, как и у Демида, синих мундирах, и запирались с хозяином в кабинете. Вели они себя крайне почтительно. Иногда Деמיד ненадолго выезжал. Хозяйство вела пожилая домработница с неприветливым бараньим взглядом.

С Деמידом они вместе ужинали и иногда обедали, а в остальное время то сходились, то расходились. Кажется, никогда прежде Сараев так вкусно и много не ел, так разнообразно не выпивал и так сладко не спал, как в эти дни. Большую часть времени он проводил в просторном, но довольно уютном кабинете или же на крыше, на оборудованной для посиделок площадке, откуда открывался прекрасный вид на Александровский парк. Тут был небольшой бассейн с расставленными вокруг лежаками, креслами и кадками с деревцами; чуть поодаль стояла накрытая брезентом жаровня. Сараев любил здесь подремать. Как-то, бродя по квартире, он подумал: вот бедность, любая, даже чистенькая и аккуратная, всегда выглядит временной. И чем беднее, тем временней. А от достатка, каким бы он ни был, веет покоем и постоянством.

В кабинете у Демида было большое собрание советского фарфора. Многие десятки статуэток занимали широкую мраморную полку над камином и все свободные поверхности. Сараева поразило, что в этом отчасти пугающем столпотворении не оказалось ни одной незнакомой ему фигурки. Никогда не проявлявший к ним особого интереса – как он ухитрился все их перевидать? Здесь же, у Демида, ему приснилось, будто в день какого-то большого праздника он сидит в гастрономе на въезде в поселок Большевик двадцатилетней давности, каким он вспоминался ему во время недавней поездки с Настей. Перед ним отведенный под кафе темный глухой закуток без окон с несколькими столами и прилавком, а дальше, по правую руку, тянется, собственно, сам гастроном, сияющий чистотой, освещенный бьющим через промытые витрины солнцем. Гастроном тих и пуст, как это обычно бывает перед самым открытием. Однако за его пределами, на улицах что-то происходит. Какие-то приглушенные звуки все чаще долетают до слуха. И это не только музыка и возбужденные людские голоса, но и что-то еще, пока непонятное. Сараеву не терпится встать из-за стола, выйти и окунуться в праздничную тесную суету – там уже

наверняка собрались его друзья, родители, и все, кого бы он хотел видеть, но он, сдерживая себя, ждет, когда торжество радости достигнет наивысшей точки. Жадно прислушиваясь, боясь пропустить кульминацию, он слышит, как кроме бодрой веселой музыки на стены и витрины гастронома напирал плотный мелодичный шум какого-то непрерывного роевания. Вслушиваясь в равномерно возрастающий, радующий сердце звук, он постепенно понимает, что эта осаждающая стены мягкая сила сплошь соткана из непрерывного порхания бесчисленного множества каких-то... как сказать: сущностей? образов?.. Словом, это было как-то связано с фарфоровыми статуэтками из кабинета Демида. Словно самые яркие и теплые воспоминания, слетевшись из всех уголков памяти, из разных лет и мест, приобрели вид бесплотных эфирных двойников этих фигурок, или их идей, или их цветных теней, или того, чему и названия нельзя придумать, и теперь всем пестрым множеством налегают на стены...

Демид, к удивлению Сараева, оказался довольно молчаливым сожителем. Но уж если ему приходило в голову поделиться какими-то своими мыслями и услышать ответное мнение, он спешил с этим, не откладывая. Чтобы задать пустяковый вопрос, ему не лень было пройти через всю квартиру или подняться на крышу. Так однажды он растолкал засыпавшего Сараева и спросил:

– А вы знаете, что ваша соседка Наташа была в секте этих обливанцев?

Сараев даже не сообразил поинтересоваться, откуда Демиду это стало известно. Он ответил, что знает, и рассказал, как весной, когда из-за аварии по всей округе на неделю отключили воду, Наташа каждые три-четыре часа бегала обливаться на Староконный рынок.

– Даже так? – удивился Демид и, помолчав, сказал: – Слабоумие и чистоплотность. Что-то есть в этом редком сочетании возбуждающее. Не находите?..

А Сараев подумал: как он обходится, когда остается один?

Жена и дочь Демида жили за городом, в Совиньоне. О них он упоминал редко, но однажды, когда разговор коснулся пятилетней дочери, вдруг не на шутку разволновался и в то же время смутился; глаза его засияли, а лицо пошло красными пятнами. Таким Сараев видел его впервые.

Раз теплым пасмурным днем, когда они сидели на крыше, попивая какой-то чудесный портвейн, Сараев по мимолетной ассоциации, которая тут же без следа растворилась в душистом осеннем воздухе, спросил у Демида:

– А как вы насчет будущей жизни... верите?

– А как же! – бодро, как будто он только и ждал этого вопроса, ответил Деמיד и откинулся на спинку кресла. – Конечно!

– Я серьезно.

– И я.

– И во что же вы верите?

– Во всё. Как положено. В загробную жизнь. Вы же про нее спрашиваете?

– Верите в рай и ад?

– Разумеется. И в то, и в другое. Ну а как же. Только, я полагаю, там все очень скромно, без аттракционов. Это вообще, может быть, одно и то же. Вот говорят же, что на огонь и текущую воду можно смотреть бесконечно. Никто, правда, почему-то бесконечно не смотрит. А там придется. Представляю себе это примерно так: в одном и том же одни видят бесконечное мучительное повторение, и это ад. А другие – бесконечное, но сладкое разнообразие, и это рай. Все дело будет только в настройке. Содержание несущественно. Зарядят на всю вечность какую-нибудь игру теней на стене, и будем мы с вами сидеть, вытянув шеи, как те галапагосские ящерицы на восходе солнца. Причем сидеть будем бок о бок, и вы при этом будете находиться в раю, ну а я совсем наоборот. Такое вот кино. Вам должно понравиться.

– Сомневаюсь. Хотя это и повеселей бани с пауками... – сказал Сараев и, вспомнив пробуждение в комнате Убийволка под электронным панно с водопадом, подумал, что некоторое представление о том, как выглядит ад, он уже, кажется, имеет.

– Конечно повеселее! – согласился Деמיד. – Это вы точно подметили. Повеселей. Еще бы! Так и времени-то после бани прошло полтора года лет. Фатальное смягчение нравов постоянно вносит свои коррективы. Вполне возможно, что так мы и до каких-нибудь загробных казино доберемся, где одни гребут лопатой, а другие проигрывают и проигрывают... Причем казино опять же одно на всех. Вот в чем я почему-то точно уверен, так это

в единстве места. Ну, а о времени говорить не приходится – вечность. И вот поди знай – это наши фантазии век от века смягчают картину мук или же мы постепенно приближаемся в своем понимании к истинному положению дел.

А буквально через день, когда они выпивали в библиотеке, Демид говорил так:

– Тут еще такое дело. Вот представьте. Вот уже рай, да? Не налюбуйешься – не надышишься. Такая благодать, такое благолепие, такая всякая жизненная, чувственная и в том числе художественная полнота... И вдруг какой-то фальшивый отблеск на водной глади или пятно солнца на дереве – опа! и... И даже не так – а отблеск, показавшийся фальшивым тебе, только тебе. Вот он – раз, зараза! – и выпрыгнул из этого аппарата сравнения, который-то должен быть всегда при тебе, чтобы все это блаженство оценивать... что-то там в этой коробке (он постукал себя пальцем по лбу) на мгновение закоротило – и всё! Всё! Все пошло прахом. Что-то такое там наверняка должно быть. Если, конечно, присмотреться. Я уж не говорю о том, что когда я окажусь в состоянии более чем газообразного существа – это все живое, дышащее, пульсирующее должно будет, по логике, вызывать у меня ощущение такое же, как у нас сейчас, дышащих, влажных, вызывает какая-нибудь пластмассовая поделка. Если так, то я не согласен, потому что я уже сейчас все так и вижу, заранее. Только кто меня будет спрашивать...

– Вы же говорили, что там будет кино...

Некоторое время Демид молча сосредоточенно смотрел в стакан в своей руке. Наконец, макнув средний палец в вино и стряхнув выловленную соринку на пол, сказал:

– Я рассматриваю разные варианты.

Вообще, эта тема была у Демида одной из любимых, и несколькими днями позже у них случился довольно интересный, хоть и путаный разговор, который таможенник закончил таким пассажем:

– Человека трудно напугать вечностью. Ну, вечность и вечность. Как бояться бесконечного? Научите сначала, а потом пугайте. Другое дело, как в какой-то притче я читал. Парень согрешил с мамашей и сестрой по пьянке и пришел к какому-то старцу

каяться. А тот головешку из костра в землю закопал и говорит: вон там, видишь, за версту отсюда озерцо. Вот ползешь на коленях туда, набираешь там в рот воды, ползешь обратно и поливаешь место сие. И вот таким макаром ползаешь туда-сюда, пока из головешки не вырастет яблоня и ее ветви от тяжести плодов не коснутся земли. Тогда тебе твой грех и простится. Хорошо, да? Аж мурашки по коже!.. Вот такого, я думаю, испугаться можно. Это я понимаю.

Глядя тогда на Демида, Сараев подумал: что удерживает кругом отчаявшегося человека в этой жизни? Одно лишь любопытство к самому себе и ничего больше. Одно лишь любопытство. А это такой крохотный, еле живой огонек, что может погаснуть от любого неловкого движения. Но вот поди ж ты, горит... Это надо было еще обмозговать, и он отложил на потом. Думать о серьезном здесь не хотелось. Дома. Сараеву вообще почему-то казалось, что он вернется домой каким-то другим. У него появится масса энергии, он сразу же доделает недоделанное, возьмется за намеченное или отложенное, и все пойдет по-новому, без этой всегдашней его вялости, рыхлости, неопределенности.

И еще: все эти дни, к некоторому смущению Сараева, вокруг него время от времени начинала бродить какая-то неясная мысль, скорее даже ее робкая тень. Приятно докучая, она кружила и кружила, ходила и ходила, и в конце концов каждый раз неизменно ложилась у ног хозяйки – Насти Убийволк.

